

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это
о войне. Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

В ИСТОРИИ ВОЙН
ТАКОГО ЕЩЕ НИКОГДА НЕ БЫЛО

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ХИМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Роман о российском спецназе

Александр Тамоников

Химическая война

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Тамоников А. А.

Химическая война / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (Роман о российском спецназе)

ISBN 978-5-699-98362-9

На территории Сирии террористы наладили нелегальное производство снарядов со смертоносной химической начинкой. Координаты завода известны, но уничтожить его с воздуха нельзя – в районе объявлена гуманитарная пауза, любые боевые действия будут считаться грубым нарушением мирных договоренностей. Для ликвидации опасного объекта в прифронтовую зону перебрасывается группа особого назначения капитана второго ранга Александра Хабарова. Спецназовцам становится известно, что с помощью химического оружия боевики планируют уничтожить гуманитарный конвой. Этого допустить нельзя, а значит, действовать придется быстро и, главное, нестандартно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98362-9

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Тамоников

Химическая война

© Тамоников А.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

Российская Федерация, Москва. Несколько дней назад

«Подготовку к выполнению поставленной боевой задачи прекратить. Оружие, боеприпасы, снаряжение и документы сдать. Произвести организационные работы по подготовке группы к расформированию...»

Эти слова контр-адмирала Сафонова, прозвучавшие полгода назад, не выходили из головы и до сих пор долбили по сознанию не хуже взрывной волны.

– Идиоты, – ворчал Александр, энергично маневрируя по Ленинградскому шоссе. – Мало вы, не включая мозг, развалили элитных подразделений! А теперь спохватились. Круглые пельмени разлепить, квадратные слепить!..

Он ехал из Управления домой, скорость, с которой несся его автомобиль, была на пределе допустимой. Нет, правил дорожного движения он никогда не нарушал, за исключением каких-то особенных случаев, связанных с выполнением служебных обязанностей. Просто быстро гнал в левом ряду шоссе по причине крайнего раздражения, такой же крайней усталости и желания поскорее расслабиться.

Справа послышался истошный звуковой сигнал. Александр покосился в зеркало заднего вида и заметил черный лимузин с «блатными» номерами. Кажется, его водитель (или хозяин) возжелал ехать в левом ряду, а старенький «Туарег» Александра мешал ему осуществить эту заветную мечту.

Полчаса назад в кабинете начальника Управления состоялся разговор с адмиралом. Вчера Сашка здорово удивился, когда на экране мобильного высветился его номер. Пожав плечами, он принял вызов. Мало ли что случилось... Может, забыл сдать на склад боеприпасы или получил при расчете лишних денег? Лишнего ему не надо.

Но Сафонов звонил по другому поводу.

– Хабаров, ты мне нужен, – коротко сказал он.

– Зачем? – поинтересовался тот.

– Ты всего шесть месяцев не у дел, а уже стал плохо соображать. Непорядок! Когда это мы с тобой по телефону обсуждали важные дела?

– Извините, тупанул.

– Завтра сможешь подъехать?

– Да. В первой половине дня.

– Жду. Пропуск будет у дежурного офицера...

Конечно, в глубине души хотелось послать адмирала в розовые дали – обида за скоропостижное увольнение из рядов не улеглась до сих пор. Но... Настоящие мужчины тем и отличаются от инфантильных существ со щетиной, что не мстят за чужую глупость. Тем более что идея разогнать элитное подразделение морского спецназа принадлежала не адмиралу Сафонову, а личностям более «высокого полета».

– Чего ты сигналишь, придурок? – повернул голову Александр вправо. – Тебе свободных полос, что ли, не хватает?

Водителю лимузина явно чего-то не хватало. Скорее всего, мозгов. Черная иномарка поравнялась с «Туарегом» и, несмотря на отсутствие автомобилей впереди, всячески пыталась вытеснить его из крайнего ряда.

Контр-адмирал Сафонов оставался одним из немногих руководителей, коих уважали простые армейские работяги. Вдумчивый, справедливый, интеллигентный и спокойный в общении. Социальная инженерия в умной голове – великое дело. Жаль, что по заведенному в

нашей стране обычаю умных голов по мере возрастания полномочий становится все меньше и меньше.

– Тебе надлежит собрать группу, – сразу перешел к делу адмирал, когда Хабаров вошел в его кабинет.

Они не виделись более месяца, поэтому контр-адмирал не поленился встать, пожал бывшему подчиненному руку и предложил присесть.

Устроившись в гостевом кресле, тот удивленно уставился на шефа:

– В чем, собственно...

– Есть очень важное и срочное дело. Иначе, сам понимаешь, беспокоить бы не стал, – не дал договорить Александру адмирал.

– Вы не забыли о том, что я, как и мои бывшие парни, с некоторых пор гражданские люди?

– Понимаю твои опасения, – вздохнул Сафонов и направился к заветному шкафчику, где хранил коньяк и прочие сопутствующие расслабленной беседе вкусняшки. Наполнив ароматным алкоголем две рюмки и вскрыв плитку шоколада, он напомнил: – Я, Саша, бился за твою группу до последнего. И даже вдрызг рассорился с одним высоким начальником. Но решение было принято без учета моего мнения, так что...

Махнув по рюмке, мужчины закурили.

– Что за работа? – уточнил Хабаров.

– Вначале пару слов о торжестве справедливости, – впервые за встречу улыбнулся адмирал. – Я все же добился вашего восстановления. Если ты и твои ребята не против – приказ будет подписан хоть завтра.

– Это уже лучше. По крайней мере, будет, чем мотивировать.

– Вот именно. Работать предстоит в Сирии. Скрытная высадка с корабля и такой же скрытный марш-бросок в восточном направлении. А потом...

– Что потом?

– Потом аккуратная ликвидация одного нелегального производства, организованного отморозками из ИГИЛ.

– Какого еще производства? – вскинул левую бровь Хабаров.

– А об этом, товарищ капитан второго ранга, я сообщу тебе перед отправкой.

– Координаты известны?

– Да. С погрешностью в тысячу метров.

– Тогда не понял. Не проще было бы закинуть туда пару «Калибров» с кораблей или опорожнить бомболюк «Ту-22»?

– Этот вариант не рассматривается, так как в данный момент в районе объявлена гуманитарная пауза, в связи с чем запрещены полеты боевой авиации и уж тем более ракетные удары. В связи с этим получается нехорошая ситуация: мы серьезные боевые действия приостановили, а бородатые фанатики продолжают воевать.

– То есть убивать нужно больно, но аккуратно.

– Совершенно верно.

– Ну а сухопутный спецназ? Это же их работа – уничтожать объекты в тылу противника, – продолжал пытаться начальство Александр.

– Была бы их, если бы часть пути до Сирии не пришлось преодолевать морем. Это во-первых. А во-вторых, в Управлении спецмероприятий сейчас попросту нет свободных людей. Одним словом, данная работа поручена нашему ведомству, и ее нужно выполнять.

– Понятно.

– Ты мне лучше вот что скажи... – Сафонов налил еще по рюмке. – Далеко ли разлетелись твои соколики?

– Соменков и Зеленский в Москве – недавно виделись за распитием водочки под шашлычок. Драный с Абрашкиным подались в родные места – за ними придется ехать. А вот по Юрию Баландину данных у меня нет – как в воду канул наш инженер.

– Получится собрать группу? – с надеждой посмотрел на Александра контр-адмирал.

– Попробую. Сколько у меня времени?

– Неделя, Саша. Ровно через семь дней я должен отправить вас самолетом в Сербию.

– Это что-то новенькое. В Сирию через Сербию?

– Точно так. Из Сербии вас «вертушкой» перекинут на крейсер. А спустя тридцать пять часов... В общем, об этом позже. А сейчас, дружище, ступай в финотдел, получай командировочные и дуй на поиски своих ребят. Каждый час – на вес золота!

– Так я ж гражданский! – изумленно возрился на шефа Хабаров. – Меня начфин и на порог не пустит!

– Приказ о восстановлении твоих подчиненных еще не подписан, а твой... – Сафонов достал из ящика стола пару скрепленных стандартных листов и бросил их на стол. – Со вчерашнего дня ты снова боевой пловец, командир группы особого назначения, капитан второго ранга. Ознакомься и распишись.

«Вот шельма, – подумал Александр. – Все продумал и просчитал!»

– Кстати, помимо командировочных вам всем полагаются приличные премиальные, – добавил адмирал.

– За что?

– Компенсация за моральный ущерб во время вынужденного отпуска, – хитро подмигнул тот. – Это я тоже согласовал с высоким начальством, чтоб у твоих орлов появился стимул для возвращения в строй.

– Что ж, лишних денег не бывает, – кивнул Хабаров.

– Далее... От финансистов заглянешь в строевой отдел и получишь новое удостоверение – оно тоже готово. Задача ясна?

– Так точно...

Черный «членовоз» не отставал и, подпирая справа автомобиль Хабарова, продолжал истошно сигналить. То ли его водитель был чрезвычайно упертой личностью, то ли сидевшего сзади чиновника чем-то задело невозмутимое поведение «Туарега».

Через минуту безобидные странности переросли в откровенную агрессию: лимузин резко обогнал «немца», подрезал и стал притормаживать.

– Что-то многовато развелось на дорогах идиотов, – проворчал Александр и остановился. – Впрочем, как и во всей стране...

Остановился в десятке метров и «членовоз». С водительского места резво выскочил молодой широкоплечий парень, открыл дверцу, и на асфальт вальяжно ступили двое: двухметровый детина и светловолосый мужчина лет двадцати семи – тоже неслабого телосложения. Под полой его расстегнутого пиджака Хабаров заметил оперативную кобуру с торчащей рукояткой пистолета.

Остаться в салоне автомобиля при таком раскладе смысла не было – зачем давать противнику преимущество? Не выключая двигателя, он тоже покинул машину и, держа в поле зрения водилу, сразу направился навстречу вооруженным «быкам».

Настрой у пассажиров «членовоза» был явно не парламентерский, и рассчитывать на мирное течение переговоров не приходилось.

«Ладно, на войне как на войне», – сокращая дистанцию с противником, подумал Хабаров.

Первым попытался нанести удар ближайший из пассажиров черной иномарки – светловолосый крепыш. Почти без замаха он выбросил вперед левый кулак, но тот потревожил лишь

воздух в том месте, где мгновение назад находилась голова Александра. И тут же поставленная «двоечка» в корпус отбросила его на багажник «членовоза». Взыв и схватившись за грудную клетку, паренек согнулся пополам.

«Этот на минуту выключен», – хмыкнул про себя Хабаров и резко повернулся к двухметровому амбалу.

Прыткий амбал оказался рядом. Сгруппировавшись, он намеревался одним разом прикончить повстречавшегося на дороге наглеца, но посланный в голову кулак врезался в приподнятое плечо.

Александр был легче и проворнее. Воспользовавшись этим преимуществом, он «закрутил» соперника, нанося болезненные удары по «ливеру» и суставам. Упав на колени, тот с перекошенным от злобы лицом сунул правую ладонь под полу пиджака.

В другой раз командир группы морского спецназа не стал бы добивать наглого качка, но сейчас тот в приступе гнева намеревался применить оружие. Что болталось в его «оперативке»: боевой пистолет или травмат – размышлять было некогда. Счет шел на доли секунды.

Подъем стопы удачно приложился к нижней челюсти. Амбал рухнул на спину и затих. Оставался водитель.

Совсем еще юный парень успел понять бесперспективность дорожного конфликта и своевременно нырнул в салон на свое место. Когда Александр подошел к его дверце, тот, подобно ангелочку, смиренно обнимал ладошками руль и покорно смотрел вдаль.

Скользнув по нему взглядом, капитан второго ранга открыл заднюю дверцу – уж больно хотелось посмотреть в глаза того, чью охрану он только что отправил в нирвану.

На заднем сиденье расположился пышный господин с удивительно знакомой депутатской физиономией, часто мелькавшей на центральных телевизионных каналах.

– Претензии есть? – коротко поинтересовался Хабаров.

Господин поднял руки и выставил вперед ладошки с растопыренными толстыми пальцами.

– Нет-нет, все нормально.

– Тогда добрый совет: вам лучше аккуратно ездить в крайнем правом ряду. Вы не любите народ, народ не любит вас. Попадете под горячую руку простых граждан – некоторые сложные косточки придется долго сращивать...

Спустя минуту Александр уже продолжал поездку в сторону центра Москвы. Маленькое дорожное недоразумение вскоре забылось. Мысли были заняты построением плана поиска коллег по группе.

– Начать определенно стоит с москвичей – Сереги Соменкова и Ваньки Зеленского, – шептал он, поглядывая на дорогу. – Найти их труда не составит. Уговорить вернуться – вот это проблема! Если с ними все срастется – помогут в поисках других парней. Да, верно. Так и сделаю...

Глава первая

Сирия, восточная часть Алеппо. Несколько дней назад

Салха стояла перед мужчинами с пустой пластиковой канистрой.

Как и требовали исламские учения, ее одежда была строгой, без малейшего намека на украшения или вырезы, чтоб за них не уцепился ни один похотливый мужской взгляд.

Сделав шаг к женщине, полевой командир Муса Калибар отобрал канистру и бросил ее на землю. Затем резким движением сорвал с головы и груди Салхи башню – прямоугольное темно-коричневое покрывало.

На женщине остались букнук и длинная юбка. Она испуганно вскинула руки, прикрыв грудь. Но Муса, зло прикрикнув, сорвал и букнук.

Заместитель полевого командира Насир Хути и водитель Басем, стоя неподалеку, посмеивались. Оба держали в руках оружие и в случае неповиновения задержанной готовы были изрешетить ее пулями.

Однако Муса был пленен красотой молодой женщины и продолжал импровизированный досмотр.

– Ты разве не знаешь о запрете на перемещения в Алеппо после захода солнца?! – добавив в голос нарочитую грозность, спрашивал он.

– Я всего лишь шла за водой, – пыталась оправдаться Салха. – Дома лежит больная Амина, отец мужа стар, плох и почти не выходит из дома...

– Кто такая Амина?

– Моя двухлетняя дочь.

Муса уж и сам не ведал: то ли досматривает задержанную, следуя установленным командованием ИГИЛ правилам, то ли просто желает получше рассмотреть ее тело.

– А где твой муж?! – схватив ее за подбородок, приподнял он лицо женщины. – Наверное, воюет против нас в армии Асада?!

– Нет, что вы! Мой муж Саид никогда не держал в руках оружия, – жалобно пробормотала она. – Пока не началась война, он возил в город соль с озера Даббуль.

Добычей и извозом соли с названного озера занимались многие жители Алеппо и его пригородов. Это занятие еще никого не обогатило, но поддерживало местную бедноту.

Ладонь Мусы ощупала упругую грудь, скользнула вниз, по гладкому животу к бедрам, все еще прикрытым длинной юбкой. Салха попыталась воспротивиться, но тут же в страхе зажмурилась – мужчина угрожающе занес над ее головой кулак.

Под юбкой оказались только тонкие трусики. Ощупав упругое женское тело, Калибар недовольно покосился на своих людей. Он страстно желал овладеть пленницей, однако показывать свою слабость соплеменникам не хотел.

– Личный досмотр закончен, – процедил он. – Свяжите ей руки и посадите в машину.

– Но за что?! – схватила Салха свою одежду. – Вы же не нашли у меня оружия или чего-то запрещенного!

– Ты нарушила мой запрет и покинула жилые кварталы. Тебя следует допросить...

Небо недавно потемнело, погрузив Алеппо во мрак южной ночи.

Маленький дворик полуразрушенного строения освещался тусклыми лучами фар ближнего света. Осторожно придвинувшись к низкому заборчику, Саид Фадри положил ладони на еще теплые камни и осмотрел территорию двора.

Внутри стоял автомобиль с выключенным двигателем, людей Мусы Калибара поблизости не было. Вероятно, часть его головорезов находилась в жилом доме, второй этаж которого

месяц назад разворотило прямым попаданием снаряда танкового орудия. Фадри надеялся на то, что его пропавшая супруга Салха находится там.

Один из соседей Фадри – ходивший днем к водяной колонке старик Магомед – видел, как ее остановили вышедшие из машины люди. По его мнению, это были боевики полевого командира Калибара.

Саид прислушался...

Да, верно, из дома доносились мужские голоса. Оглядевшись по сторонам, он осторожно двинулся к зиявшей в заборе прорехе.

Включенные фары освещали небольшое пространство между автомобилем и входом в дом. Забор с прорехой находился позади машины и тонул в ночной мгле.

Проскользнув на территорию двора, Фадри направился по кратчайшему пути к ближайшему окну, занавешенному полинявшей тряпкой. В правой руке он нес автомат Калашникова с полным магазином. Единственный запасной магазин, всего лишь наполовину снаряженный патронами, торчал из левого кармана брюк. Оружие сириец забрал у погибшего боевика пару месяцев назад, когда возле его дома закончился затяжной кровопролитный бой. Все семейство, напуганное стрельбой и взрывами, почти сутки пряталось в подвале дома, а ему пришлось выбраться для пополнения воды и съестных припасов. Тогда и натолкнулся на труп мужчины с развороченной головой.

Приблизившись к каменной стене строения, Фадри прижался к ней спиной и с минуту стоял, не двигаясь.

Вокруг дома было тихо, лишь от ближайшего минарета доносилось призывное пение муэдзина. Зато в единственной комнате, где горел слабый свет, разговаривали несколько мужчин, после обстрела в доме не осталось уцелевших стекол, и голоса были хорошо различимы. Речь шла об ожидавшемся подходе подкрепления и подвозе боеприпасов, дефицит которых все более ощущался в отряде Калибара.

Скользя спиной о каменную стену, Саид приблизился к окну и осторожно заглянул внутрь через дыру в тряпке.

Первое, что он увидел – спину мужчины, стоявшего в трех шагах от окна. Чуть дальше находился освещенный двумя фонарями стол, за которым сидели остальные мужчины. У дальней стены располагался топчан. Приглядевшись, Фадри замер и перестал дышать: на топчане лежала его супруга.

Салха лежала на собранном из грубых досок топчане поверх какого-то пыльного одеяла. Отяжелевшие веки прикрывали глаза, одна рука свисала почти до пола, другая была привязана веревкой к торчащей из стены железной скобе. Подол длинной юбки был задран, другие элементы одежды валялись на полу. Она не спала, а пребывала в каком-то странном состоянии, после того как Муса (именно так мужчины называли главаря этой банды) сделал инъекцию в ее руку. Что за препарат был в шприце – она не знала.

Мозг работал крайне вяло. Мысли путались, когда она пыталась восстановить в памяти недавние события, произошедшие в этой небольшой пыльной комнате.

Припомнился учиненный Мусой обыск. Потом повторный, уже здесь, в доме. С остервенелой тщательностью осмотрев каждую складку ее одежды и ничего не найдя, Муса дважды наотмашь ударил ее ладонью по лицу и перешел к обещанному допросу.

Но Салха лишь молчала и всхлипывала, прикрывая руками нагое тело.

После допроса Муса привязал ее веревками к скобе и ненадолго исчез. Вернулся он в комнату, неся наполненный прозрачной жидкостью шприц. Когда он поднес иглку к ее руке, Салха попыталась сопротивляться, но, получив сильный удар в живот, затихла и почти не чувствовала, как игла вошла в вену на локтевом сгибе...

Скрип открывшейся входной двери заставил Саида отпрянуть от окна. Быстро присев, он вскинул автомат.

Убивать людей ему никогда не приходилось, но обращаться с оружием он немного умел. Как не научиться данному ремеслу, если в стране на протяжении последних лет шла гражданская война?

Из дома вышел мужчина лет сорока, видимо, водитель, так как первым делом он направился к автомобилю. Ковыряясь в зубах спичкой, мужчина открыл дверцу, уселся вполоборота на водительское место и выключил фары.

Двор погрузился во мрак. Приготовив оружие, Фадри согнулся пополам и приблизился к автомобилю. Конкретного плана действий у него не было. Да и откуда ему взяться? Он никогда не выслеживал людей, не нападал на них из засады и не участвовал в военных операциях. Единственное, что он хорошо понимал: водителя необходимо обезвредить. Ведь чем меньше боевиков он встретит внутри дома, тем лучше. Однако применять автомат для этой цели не годилось. Шуметь и обнаруживать себя раньше времени не следовало.

Желая еще разок взглянуть на водителя, он приподнялся и приткнулся к заднему стеклу, но в этот миг сухо щелкнула замком дверка.

Саид снова спрятался, затем медленно выглянул из-за кормы.

Покинувший машину водитель вальяжной расслабленной походкой направился к боковому отрезку забора, на ходу расстегивая ширинку брюк военного образца. Тусклый свет от окна комнаты туда не добивал, и фигура боевика почти слилась с посаженной вдоль забора кустей растительностью...

Фадри без опаски скользнул за правый борт автомобиля. Стекла обеих дверей были опущены, и теперь его занимал лишь один вопрос: куда направится водила, справив нужду, – вернется в машину или пойдет в дом?

Боевик вернулся в салон машины.

«Пора», – скомандовал сам себе Фадри, поудобнее перехватил автомат и, молниеносно переместившись к распахнутой водительской дверце, приставил ствол к голове испуганного мужчины:

– Руки под задницу!

Поначалу водила здорово напугался. Затем изумленно посмотрел на незнакомого мужчину в старенькой одежде и безропотно подчинился: привстав, устроил ладони на кожаное сиденье и уселся на них.

Обыскав его, Фадри нашел лишь пистолет с парой запасных магазинов, сотовый телефон, упаковку каких-то таблеток и пачку сигарет с зажигалкой. Бросив все это на заднее сиденье, он ткнул автоматным стволом водителю в грудь:

– Сколько человек внутри дома?

Окончательно оправившись от испуга, тот нагло усмехнулся и... тут же получил удар мощным кулаком в нижнюю челюсть. Саид всю жизнь занимался тяжелым физическим трудом и был довольно крепок телом.

После удара затылок боевика припечатался к подголовнику; сознание секунд на тридцать затуманилось. С рассеченного подбородка на грудь обильно потекла кровь.

Придя в себя, он интуитивно попытался вытащить из-под себя ладони, однако следующий удар по внешней стороне бедра, заставил прекратить всякие движения.

– Сколько человек внутри дома? – повторил вопрос Саид.

– Трое, – тихо ответил водитель.

– Вместе с женщиной?

– Да.

– Все находятся в передней комнате?

– Не знаю. Когда я выходил, заместитель Мусы – Джавелин – намеревался отправиться спать.

– Что за «Джавелин»?

– Это прозвище. А зовут его – Насир Хути.

– Где он собирался спать?

– Кажется, в соседней комнате...

На следующий вопрос, касающийся вооружения, водитель отвечать не торопился и поэтому получил второй удар по внешней стороне бедра.

Тихо взвыв и схватившись за литеральную мышцу, он пробормотал:

– Два автомата Калашникова и... два пистолета...

– За что вы задержали женщину?

– Она ослушалась приказа.

– Какого еще приказа?

– Командование ИГИЛ запретило мирным жителям появляться на улицах Алеппо после девяти вечера.

– А твое командование в курсе, что в городе третий год нет воды? – зло прошипел Фадри. – Ее ведь по вашей милости нет!

Сказать было нечего, и боевик промолчал.

Немного успокоившись, Саид задал последний вопрос:

– Что твой Муса намерен сделать с задержанной женщиной?

– Точно не знаю... Он не говорил об этом...

– А сам-то как думаешь?

– Ночь проведет с ней в комнате, а утром расстреляет на заднем дворе, – вздохнул тот.

Слушая последнюю фразу, Саид машинально перевернул автомат прикладом вперед. Наиболее значимая информация была получена, остальные подробности мужчине не интересовали.

Настала пора действовать, и Фадри выбирал место, куда следовало двинуть прикладом бандита...

Веки женщины задрожали и приоткрылись. Некоторое время Салха лежала с открытыми глазами, пока в раскалывающейся от боли голове не восстановилась хронология последних событий. Потом она ощупала саднившее плечо, грудь и щеку, куда получила несколько ударов от ненавистных боевиков.

Она вспомнила все, что с ней произошло, и от ужаса закрыла ладонями лицо.

Она не представляла, сколько прошло времени с того момента, как боевики притащили ее в этот ужасный полуразрушенный дом. Но одно понимала с достаточной вразумительностью: если муж до сих пор не сумел вызволить ее из этого ада, следовательно, либо спасение невозможно в принципе, либо с ним самим случилась беда. Третьего варианта не существовало, а первые два не сулили ничего хорошего. Только леденящий душу позор и мучительную смерть.

Салха шевельнулась, опираясь на ослабевшие руки, приподнялась, попыталась встать, но сил не было. К тому же закружилась голова, перед глазами все поплыло. Когда зрение постепенно восстановилось, она, оглядевшись по сторонам, заметила на столе среди жуткого беспорядка армейский нож и подумала:

«Это выход. Надо немного посидеть – прийти в себя и набраться сил, чтобы дотянуться до ножа и осуществить задуманное...»

– Басем! Басем, где тебя черти носят?!

Голос полевого командира испугал обоих: и водителя Басема, и стоявшего возле него Фадри. Комната внутри едва освещалась, и отодвинувшего занавеску Мусу оба не заметили.

Саид нырнул за левый борт и, ткнув стволом автомата водителя в бок, прошептал:

– Скажи, что ты здесь – в машине.

– Да, Муса, я здесь, – торопливо ответил водитель. – В машине.

– Спишь, что ли?

– Задремал. Разморило.

– Не спать! – сердито приказал Калибар. – Через час тебя сменят...

– Понял.

Слабая тень колыхнулась на ветвях сломанного дерева, и фигура Мусы исчезла за упавшей занавеской.

Больше водитель был не нужен. Коротко размахнувшись, Фадри ударил его прикладом автомата в голову. Охнув, тот завалился на правое сиденье.

Обойдя машину, Саид приблизился к стене, постоял с минуту без движения, прислушался...

В доме было тихо. И тогда он медленно, прижимаясь спиной к холодной стене, начал двигаться в сторону входа.

Поднявшись по трем ступенькам крыльца, взялся за погнутую металлическую ручку и вновь замер.

Сердце от волнения колотилось, дыхание разрывало грудь. Дрался он в своей жизни всего однажды, когда в глубокой юности пас на верхних лугах баранов. В тот день ему выпало серьезное испытание – он защищал отару от двух негодяев из соседнего селения. Пришлось туго, но воров он заставил ретироваться. Правда, потом целый месяц залечивал рваную рану на руке – один из бандитов перед трусливым побегом полоснул по ней ножом. Но тогда все было по-другому. Он был моложе, в руках имелся длинный посох. Огнестрельным оружием в те спокойные времена мирное население не баловалось. Не то что сейчас.

Да, сейчас ему предстояла схватка не с мелким и глупым воришкой. Внутри дома находился довольно известный на востоке Алеппо полевой командир Муса Калибар – опытный, хитрый, сильный бандит.

Понедобнее перехватив автомат, он осторожно толкнул дверь, заглянул в темноту и сделал первый шаг...

Салха уже не мечтала о спасении.

Как можно было сбежать из этого проклятого дома, когда в соседней комнате сторожит окаянный бандит, а второй стоит у входа в дом на улице? И кто знает, сколько их еще поблизости?.. Она несколько минут неподвижно сидела на краю топчана. Затем, собрав все силы, поднялась, подошла к столу и взяла нож.

Внимательно посмотрела на острое лезвие ножа, вернулась к топчану и легла. Глядя в потолок, нащупала вены на левом запястье, поднесла к руке нож...

Внезапно в коридоре послышались шаги. Судя по характеру поступи, к двери комнаты приближались двое мужчин...

Более медлить было невозможно, и она, коснувшись остро отточенной сталью нежной, почти прозрачной кожи, резким, но несильным движением вспорола плоть. По руке стекли две скупых капли крови – разрез получился неглубоким.

Салха намеревалась полоснуть лезвием еще раз, однако услышала скрип дверных петель.

Подняв испуганный взгляд, она тихо вскрикнула – на пороге стоял муж...

Глаза Фадри настолько привыкли к темноте, что, заглянув в комнату, он зажмурился от показавшегося ему обилия света.

Рядом с единственным окном стояли стол и низкий табурет, у дальней стены располагался топчан, сбитый из грубых досок, а на краю его с ножом в руке – Салха.

Узнав его, женщина негромко вскрикнула и хотела что-то сказать, но Саид жестом заставил ее замолчать. Он уже многое успел сделать для ее спасения; оставалось незаметно улизнуть на улицу. Ночью в восточной части Алеппо слишком опасно: огонь по неизвестным могут открыть с любой стороны – как радикалы, так и подразделения правительственных войск. Так что искать и преследовать беглецов люди Мусы не станут.

Стараясь ступать очень тихо, Фадри быстро подошел к топчану. Одежда на Салхе была измята и местами порвана, сама она выглядела бледной и измученной.

«Иди за мной», – кивнул он в сторону двери.

Она тяжело поднялась, покачнулась и выронила нож. Саид не стал поднимать его, бережно поддерживая Салху, он метнулся к двери.

Казалось бы, все складывалось удачно, но... неожиданно из спальни выскочил заместитель Калибара – Насир Хути. В руке у него был пистолет...

И снова на стороне Фадри оказалась внезапность. Заспанный Насир не успел воспользоваться оружием – мирный сириец сбил его с ног и тут же навалился сверху.

Заместитель Калибара оказался силен и ловок, к тому же неплохо владел единоборствами: с налившимися кровью глазами он, вмиг извернувшись, выбил у Саида автомат и попытался перевернуться, чтобы оказаться сверху. Теперь Фадри пришлось поднапрячься и включать все свои навыки, дабы не лишиться жизни самому и не обречь на верную гибель Салху.

Настал черед рукопашного боя в положении «лежа».

Насир был на пару лет моложе и крепче. Но Фадри боролся за две жизни, за честь и за будущее своей семьи, поэтому явного превосходства не было ни у того ни у другого. Оба сыпали ударами, пытались душить друг друга, ругались и рычали...

В какой-то миг Насир Хути здорово приложил Фадри затылком об пол. Но двумя секундами позже тот ответил несколькими увесистыми ударами, от которых Насир «поплыл». Саид уже было уверовал в скорую победу, но вдруг почувствовал, как в бок что-то резко кольнуло. Проклятый боевик в полубессознательном состоянии нащупал валявшийся на полу нож и ткнул его лезвием в тело противника.

Фадри скорчился от боли, ослабил хватку, и этой заминки Хути хватило, чтобы переломить ход схватки...

Сидя на поверженном сопернике, Насир сжимал пальцами его шею с такой силой, что Саид совершенно не мог дышать. Он пытался бить боевика коленями по спине, но удары слабели и становились все реже и реже.

Наконец нога опустилась на пол и медленно распрямилась. Сознание покидало сирийца...

В предсмертный миг Фадри охватило сильнейшее отчаяние. В кровавой пелене проплывали изуродованные взрывами тела мирных жителей Алеппо, потом явилось лицо Салхи. Бледное и измученное. Молившее о спасении...

Постепенно сознание стало проясняться, но он так и не понял, сколько пролежал на грязном полу в полумраке полуразрушенного дома. Тем более он не видел того, что произошло, и почему ненавистный Насир Хути вдруг перестал его душить.

– Вставай, Саид! – послышался слабый голос Салхи.

Фадри открыл глаза. Она сбросила с него обмякшее тело Насира и пыталась поднять.

– Что?.. Что со мной случилось?..

Память быстро восстановила последние события. Заметив же валявшуюся посреди комнаты металлическую канистру, Саид все понял: жена ударила его по затылку помощника полевого командира.

Поднявшись, он нашел автомат, взял жену за руку и направился к двери. Пора было убираться из этого ужасного дома...

Глава вторая

Российская Федерация, Москва. Несколько дней назад

Когда-то Саня Хабаров имел жену, дом и все то, что, по мнению Абдуллы, отлично подходило для достойной встречи старости. Была любимая работа, хорошая зарплата, большая квартира.

Но не сложилось. Вначале адмирал Сафонов мрачно сообщил о расформировании группы, через неделю подоспел приказ об увольнении. Сдав имущество и получив расчет, Александр остался не у дел. Ни пенсии, ни серьезных накоплений. Предстояло встать на четвереньки и взять старт в новую жизнь.

Однако начинать ее вместе с ним Наташка – супруга Хабарова – наотрез отказалась и вскоре подала заявление на развод. В итоге пришлось разменять квартиру и поселиться в крохотной «однушке» у черта на рогах.

Впрочем, о разводе Сашка не жалел. Если душа человека подпорчена гнильцой, то рано или поздно случится предательство или другая подлость. Так что уж лучше расстаться с ней и не ждать подобных сюрпризов.

Никогда его Наташка не была такой преданной и родной «второй половинкой», как Ольга у Сереги Соменкова – лучшего друга со времен военного училища. Заместителю реально повезло с женой. Они и думали, и желали, и делали всегда одно и то же.

Это было невероятно и поразительно. Возвращались, к примеру, друзья после тяжелой командировки в родные края. Серега сидел в салоне автомобиля или самолета рядом с Хабаровым, вздыхал и задумчиво произносил:

– Жутко соскучился по домашним харчам. Вот было бы здорово, если бы Ольга свой фирменный холодец состряпала. Но она его только под Новый год готовит и на дни рождения...

А утром следующего дня сияющий Сом (так друзья коротко именовали Серегу) докладывал:

– Представляете, захожу домой, а на кухне праздничный стол накрыт: водочка в запотевшей бутылке, утка с яблоками, селедочка под луком, маринованные грибочки и... целая посуда холодца! Ольга опять угадала мое желание...

Они могли часами молчать, находясь рядом друг с другом, но если Серега говорил фразу, то она была точным продолжением мыслей Ольги. Или наоборот. Если он думал о рыбалке, то она непременно хотела свежей речной рыбки. Если она решала приготовить на ужин котлеты, то он, по странному стечению обстоятельств, после службы заглядывал в магазин и покупал полтора килограмма мяса. Он поднимался с дивана с мыслью вскипятить чайник, а она уже шла навстречу и несла ему из кухни чашку только что приготовленного чая. Выбирая у заводчика собаку, они одновременно указывали на одного и того же щенка. Разойдясь в супермаркете в разные стороны, обязательно встречались у одной полки, вдруг припомнив, что в доме закончился кофе. Тысячи раз они звонили друг другу одновременно, слушая в ответ короткие гудки, и наоборот, не тревожили звонками, если были очень заняты. Оба любили гостей и шумные компании, частенько спали в выходные до обеда, обожали хорошие книги и пасмурную погоду.

– Как вам удастся жить в такой гармонии? – часто спрашивали Серегу друзья.

Тот отшучивался:

– Все просто. В нашей семье установлено правило: по четным дням недели во всех злоключениях виноват я, по нечетным – Ольга. В воскресенье, для баланса, – наша общая псина.

«Где бы отыскать такую жену? – вздыхал Хабаров, вспоминая свою бывшую супругу и массу разногласий во время их совместной жизни. – Нет, Наташка была совершенно другой. Хорошо, хоть до рождения детей не дошло...»

- Здорово, Серега! Чем занимаешься? – позвонил он другу из дома.
- О, привет! – обрадовался тот. – Ты куда запропал?
- Делишки были. Чем занимаешься?
- С машинкой в гараже ковыряюсь.
- А чего с ней случилось?
- Приболела, – вздохнул бывший заместитель. – Решил разобрать.
- Помощь нужна? – посмотрел Александр на часы.
- Подъезжай, вместе работать завсегда лучше.
- Пивка взять?
- Само собой...

Хабаров дал отбой и погладил теревшегося о ногу кота по кличке Суриков.

Сразу после развода Сашке пришлось поселиться в общежитии строительно-монтажного треста, комендантом там работал давний знакомый, вот и помог на короткое время обрести крышу над головой, пока не нашелся стоящий вариант с покупкой отдельной квартиры. В общежитии, конечно, было неудобно, зато весело: то бабы нажмутся, то мужики протрезвеют. И вот после пары месяцев этого жуткого треста он, наконец, переехал в «однушку». Сделал ремонт, потратив последние деньги, обзавелся новой мебелью и техникой.

В квартире было хорошо, но скучно. Пару раз приводил малознакомых дам, но они постоянно чего-то хотели, вместо того чтобы спокойно попить чай-кофе или воду из-под крана. Заскучав, Хабаров решил завести друга в лице кота, потому как выпить и поговорить по душам было абсолютно не с кем.

На воспитание мелких котят времени у него не предвиделось – он как-никак искал работу и надеялся ее получить, – поэтому решил взять сразу взрослого. Полазив по страничкам какого-то сайта, выбрал одного, похожего на причудливого зверька – суриката. Возраст – пять месяцев, привит, кастрирован, воспитан, не состоял, не был, не подвергался. В общем, по всем характеристикам подходил.

Созвонившись с хозяйкой, Хабаров отправился за новым товарищем.

Кот и в самом деле оказался спокойным, с умными глазами и веселенькой окраской. Впервые появившись в новой для себя квартире, Суриков (так Александр назвал его за сходство с сурикатом) важно обошел владения и... надолго исчез. Вечером хозяин обнаружил его за диваном. Так и просидел он там трое суток: не жрал и даже не просился на заранее купленное отхожее место – оранжевый лоток. К этому времени Хабаров даже забыл о его существовании, а вспомнил лишь тогда, когда ночью пробирался в туалет и наступил на что-то мягкое.

Следующим утром Александр сел завтракать на кухне, и тут его величество изволило нарисоваться: вышел с поднятым хвостом из коридора, сел посередине, начал тарыхтеть и задавать вопросы. Как зовут хозяина, чем занимается, и вообще кто по жизни?..

Познакомившись, подружился и сели пить пиво.

В общем, Сашка был рад, что у него появился смысленный друг.

Сменив приличный костюм, надетый для встречи с адмиралом, на одежду попроще, Александр покинул квартиру, забежал в ближайший магазин за пивом, сел в машину и поехал на другой конец столицы.

Настроение было отличным.

Во-первых, отпадала необходимость искать новую работу. К чему она, если теперь забрезжила надежда вернуться в строй и снова заниматься любимым делом.

Во-вторых, Сафонов не обманул – все документы о его восстановлении на военной службе были готовы, новенькое удостоверение личности он получил два часа назад. А компенсация за так называемый «моральный ущерб» оказалась настолько приличной, что ее хватило бы месяца на три-четыре относительно безбедной жизни.

Правда, радость слегка омрачало гложущее сомнение по поводу возвращения в группу всех ее членов. Полгода – срок немалый. Вдруг кто-то из сослуживцев уже успел обзавестись хорошей работой и даже привык к мирной беспечной жизни?..

В общем, вопросов хватало.

Сергея Соменков жил в трехкомнатной квартире известного спального района, гараж находился поблизости – в пяти минутах ходьбы.

– Привет! – вышел Хабаров из машины, подхватив пакет с покупками.

– Здоров, – вытерев руки о ветошь, пожал ладонь давнего приятеля и коллеги Сергей. – Какими ветрами? По делу пожаловал или на самом деле решил помочь?

Капот его автомобиля был поднят, сам он только что вылез из смотровой ямы. Александр оглянулся по сторонам в поисках подходящего «стола» и начал расставлять бутылки с пивом на боковом гаражном верстаке.

– Угадал, по делу, – обмолвился он, довершив «сервировку» рыбной нарезкой. – Но сначала давай тяпнем пивка и твою колымагу отреставрируем.

– Да я уж почти закончил. Десяток болтов осталось закрутить...

Минут за пятнадцать друзья покончили с работой и вылезли из ямы наружу. Опорожнив еще по бутылочке пива, закурили.

– Ладно, выкладывай, зачем приехал? – выпустил Сом клуб табачного дыма.

Поймав его вопросительный взгляд, Хабаров улыбнулся.

– Угадай, с кем я сегодня встречался?

– Хм... После свиданий с бабами ты обычно так не сияешь. Значит, с кем-то из наших, – рассудил Сергей.

– Верно. Я был у Сафонова.

– У Сафонова?! Чего это тебя к нему занесло?

– Сам вызвал. Позвонил, попросил приехать.

– Ну и?..

– Предложил отправиться в командировку. Причем всей нашей группой.

– Подожди... – растерялся Сом. – Как отправиться всей группой? Мы же уволены.

– Уже восстановлены. Он договорился с кем-то из высокого начальства, и нас всех вернули в строй.

– Вот дела... – выдохнул сигаретный дым Сергей. – А я только неделю назад собеседование прошел с руководством компании – на повышение пошел.

– Бросай ты эти компании! – хлопнул Хабаров товарища по плечу. – Разве для нас такая работа – сидеть в офисе под кондиционером?!

Тот с минуту посидел молча, докурил сигарету. Постепенно его лицо просветлело, а губы растянулись в улыбке.

– Ольге позвоню, – доложил он, потянувшись к сотовому телефону.

Но телефон сам разразился звонком, едва оказался в руке Соменкова.

– О, сама звонит, – привычно и без удивления констатировал Сом.

– Ладно, поговори – не буду мешать, – засмеялся Александр, выходя из гаража под ласковое вечернее солнышко.

Спустя час, когда от выпитого пива не осталось и духу, друзья ехали на автомобиле Хабарова в сторону Митино, где жил штатный врач группы – майор медицинской службы Иван Зеленский. После разговора Сергея с супругой настроение Александра заметно приподнялось. Ольга действительно была умной женщиной и с полнамека поняла: муж уже принял решение вернуться на военную службу, и все, что от нее требуется в данную минуту, – элементарная поддержка.

– Я давно заметила, что ты скучаешь по старым товарищам, – сказала она в трубку. – Что ж, рада за тебя. Во сколько ждать вечером?

– Точно не знаю, Оля, – улыбнулся в ответ Соменков. – Мы с Сашей сейчас к Зеленскому в Митино. А там – как получится...

Признаться, Хабаров даже не ожидал, что Соме удастся так легко уговорить вернуться в строй. Но это было только начало. Помимо обязанностей заместителя командира группы Серега в иных командировках отрабатывал снайпером. Хороший снайпер – это добрая половина группы. И все же два человека для серьезной операции – крайне мало. Желательно иметь еще профессионального врача, подрывника, связиста и такого уникального специалиста, каким был Юрка Баландин. Скоро предстояло встретиться с врачом Зеленским, подрывником Драным, связистом Абрашкиным. А вот куда запропал инженер Баландин – пока никто не знал.

На звонки по мобильнику Ванька Зеленский не отвечал. Подъехав к нему домой, друзья потоптались под закрытой дверью квартиры и спустились во двор многоэтажки. Снова усевшись в автомобиль, закурили и стали думать, что делать дальше.

– По-моему, он намеревался устроиться врачом-терапевтом в ближайшей клинике, – задумчиво произнес Сергей.

– А ты давно с ним созванивался?

– Дней десять назад.

– И он поведал об этих планах?

– Так... обмолвился парой слов. Но намерения были серьезные.

– Подождем?

– Ну а что еще делать?..

Иван Антонович Зеленский попал в армию случайно, пройдя тернистый путь от злостного уклониста до убежденного добровольца. Если бы подобная история перевоплощения произошла бы с кем-то иным, то товарищи по группе ни за что бы в нее не поверили. Но Ванька врать не умел, и уж если о чем-то рассказывал, то в достоверности можно было не сомневаться. Как-то бойцы группы под водочку с хорошей закуской раскрутили его на рассказ о том, как он попал в медицину. Историю они слышали знатную.

Чем ближе маячил выпускной вечер в школе, тем меньше юный Ванька хотел служить в армии. Проживая с родителями в небольшом районном центре, он искренне полагал, что служба – это потеря целых двух лет жизни. И что за эти годы на «гражданке» он успеет сделать несоизмеримо больше, чем в каком-то забытом богом сибирском гарнизоне.

Попытался «откосить». Не вышло, оказался здоров, как гладиатор.

Попробовал отыскать падкого на деньги военкома – не срослось. Видать, средств оказалось маловато.

И тогда Зеленский решил продолжить учебу, но не в простом вузе, а непременно с военной кафедрой. С первого раза поступить в такой не получилось – не хватило баллов. Вернулся в райцентр, попробовал уговорить военкома на отсрочку: дескать, хочу повысить качество знаний на подготовительном отделении.

Но где там!

– Подготовительное отделение – не причина для отсрочки! – отрезал тот. И строго добавил: – У меня план по призыву! Иди домой и собирай вещички. А если задумаешь скрываться, найду и определю в такую глухомань, что ты забудешь человеческий язык общения...

Ну, и тут же повесточку, как водится, под роспись вручил. Оставался последний выход – исчезнуть.

И Ванька исчез. Уехал в столицу, где среди прорвы народа было проще затеряться.

В Москве он подал заявление на подготовительное отделение Первого Московского государственного медицинского университета имени Сеченова. Начал учиться, скитаясь по съем-

ным углом, случайным знакомым, потому как для заселения в бесплатное общежитие требовалось встать на учет в местном военкомате. В первой половине дня учился, вечерами подрабатывал, чтобы оплатить жилье и купить кусок хлеба с соевой сосиской. При встрече на улице с военными вздрагивал и нырял в подземные переходы, раз в пару месяцев осторожно звонил домой.

Родители полностью поддерживали Ивана в его нежелании гробить здоровье на срочной службе и, несмотря на угрозы военкома, место дислокации сына не раскрывали.

– Как там у вас обстановка, батя? – интересовался Ванька во время очередного сеанса связи.

– Все нормально. Но появляться тебе не стоит, – отвечал тот.

– Неужели все еще «пасут»?!

– Еще как «пасут». Даже ночью недавно заявлялись. С милицией.

– Угрожали?

– Бумажку предлагали подписать.

– Какую?

– Обязывающую известить их о твоём появлении.

– А ты?

– А что я? Дураком прикинулся и подписывать ничего не стал. Я, говорю, отслужил положенное в армии и никаких дел с вами иметь больше не собираюсь.

– Красавчик, папая...

Подобные вести заставляли Ваньку держаться в тонусе и вгрызаться в гранит науки всеми тридцатью двумя зубами. Одним словом, за неполный год подготовки он так поднаторел в знаниях, что на вступительных экзаменах в весьма элитный вуз получил наивысшие баллы. В общем, поступил и, прихватив справочку, на радостях отправился в родной поселок.

Там, естественно, наведалься в военкомат, где хотел тихо и мирно легализовать свое положение. Протянул в окошечко паспорт, справочку. А сидящая там женщина, едва заприметив фамилию «Зеленский», бегом умчалась к военкому.

– Появилось, стало быть, красно солнце! – гремел тот басом, спускаясь по лестнице. – И где ж ты у нас шлялся целый год?!

– Я, товарищ подполковник... Учился... Вон и документик вам привез... – лепетал испуганный Иван.

– Тебя посадят! Мы уже передали дело в прокуратуру! Готовься, лишенец!.. – довольно потирал тот громадные ладони.

Однако, ознакомившись с привезенной справкой, поутих и в итоге вручил квитанцию об уплате штрафа. Крупного, но не смертельного.

Ванька был счастлив оттого, что остался на свободе. Назанимав денег, оплатил штраф, отгулял оставшееся до начала семестра время и отбыл к месту учебы...

К четвертому курсу он внезапно проникся мыслью связать свою жизнь с армией. Служба офицером – не «срочка». К тому же военные врачи – особая каста. Почти как летчики или подводники.

Учился он весьма прилежно, дисциплину не нарушал, не хулиганил, здоровьем обладал отменным. Поэтому на военную кафедру был зачислен без проблем и проволочек.

После выпуска Зеленскому вместе с дипломом и ромбиком вручили офицерские погоны, удостоверение «лейтенанта медицинской службы» и отправили в один из гарнизонов, расположенных недалеко от родного райцентра.

Отслужив около двух лет, Ванька получил очередное звание и даже въехал в благоустроенную квартиру. Жизнь шла как по маслу: лечил бойцов от диареи, мазал зеленкой ссадины, вскрывал абсцессы, вправлял вывихи, ну, и как водится – заполнял ворох документации.

Кстати, командовал гарнизоном известный на всю округу полковник Шаповалов. Неподкупный, бескомпромиссный, уважаемый самим министром и изящно ругавшийся матом на языках всех пятнадцати республик почившего Советского Союза.

В один солнечный мартовский день Зеленскому позвонил отец и сообщил:

– Ванька, у меня для тебя веселая новость.

– Веселая? – вздохнул тот. – Да мне, батя, и здесь веселья каждый день хватает.

– И все-таки ты будешь смеяться. На твое имя пришла повестка из военкомата.

– Какая еще повестка? – не понял старший лейтенант.

– Обычная. После которой бреют налысо и забирают в армию.

Как получилось, что в районном военкомате не знали о Ванькиной судьбине, – история умалчивает. Бюрократия – штука сложная и малообъяснимая.

– Ладно, батя, – сказал военврач. – В ближайшее время появлюсь, навещу вас с матерью, а заодно и разберусь в этом бардаке...

После ближайшего общего построения подразделений гарнизона он подошел к командиру и попросил краткосрочный отпуск.

– Зачем он тебе? – поинтересовался грозный командир.

– Меня в армию забирают, товарищ полковник.

Шаповалов секунд на пять лишился дара речи. Потом тактично кашлянул в кулак и осторожно спросил:

– А ты, извиняюсь за бестактный вопрос, сейчас где?

– Раньше думал, что в армии. Оказалось, нет. Отец сегодня звонил и сообщил о пришедшей из военкомата повестке. В ней все на полном серьезе: прибыть тогда-то, уголовная ответственность за уклонение и прочие радости.

За время службы Зеленский зарекомендовал себя самым положительным образом, поэтому полковник сказал:

– Даю тебе трое суток. Поезжай и разберись с этим дерьмом. Если что – звони. Я вашего районного военкома кастрирую...

Иван подошел к решению возникшей проблемы творчески: надел парадную форму, нацепил все заслуженные к этому моменту регалии. И в таком сияющем виде заявился в районный военкомат. Постучав в кабинет военкома, зашел. Чеканя шаг, приблизился к столу и, вытянувшись в струнку доложил:

– Товарищ подполковник, старший лейтенант Зеленский для прохождения срочной службы прибыл!

И бац на стол повестку.

Военком пробежал по тексту повестки, узнав Зеленского, побледнел, потом покраснел. Глянув на шеврон части, робко спросил:

– А Шаповалов знает, что тебе пришла повестка?

– Естественно, товарищ подполковник. Он и послал разобраться, кто руководит здешним сумасшедшим домом.

– Вот же черт... – почесал затылок старый военком, не зная, как разругать ситуацию.

– Предлагаю поступить следующим образом, – решил помочь Ванька. – Вы навсегда забываете обо мне, а я делаю вид, что ничего не было.

– А Шаповалов?

– Ему скажем, что ошиблась молодая сотрудница военкомата. У вас ведь есть в штате молодые сотрудники?

– Полно!

– Вот и славно. Такой вариант устроит?

Они ударили по рукам, и с тех пор военком на Ванькином горизонте не появлялся. Ну а сам Зеленский, будучи врачом от Бога, неплохо продвигался по службе: стал начальником

медсанчасти в гарнизоне полковника Шаповалова, получил капитана, чуть позже перевелся ближе к Москве. Пару лет назад в звании майора был зачислен в группу Хабарова. Неоднократно бывал в сложных командировках, в которых показал себя с самой лучшей стороны.

Доктор появился примерно через час томительного ожидания, покачиваясь, знакомая фигура нарисовалась из-за угла здания и неверной походкой направилась к подъезду.

– Он? – спросил Хабаров.

– Он, конечно.

– Так Ванька вроде не пил.

– Начать никогда не поздно...

Товарищи выбрались из салона и пошли наперерез.

– Опачки! – узнал их Зеленский и раскрыл объятия. – Какими судьбами?

– Скажи лучше, где ты так набрался? – обнял его Александр.

– А мы сегодня мое устройство на работу отмечали. Проставился, так сказать.

– И кем же ты стал?

– Хирургом в хорошую частную клинику устроился. Хирургом, заметьте, а не терапевтом.

– Хреново, – вздохнул Сом. – Наверное, и зарплата хорошая?

– Не обидели, – расцвел пышной улыбкой Ванька.

– Лучше б обидели. Пошли, мы тебя до квартиры проводим...

Войдя в подъезд, троица вызвала лифт.

– А почему вы расстроены моим карьерным ростом? – вдруг встрепенулся доктор. – Вы же порадоваться должны за старого товарища!

– Мы бы порадовались, если бы ты остался с нами.

– Не понял, – дыхнул перегаром новоявленный хирург. – А я разве сейчас не с вами?

Лифтовая кабинка остановилась на нужном этаже, дверки разъехались в стороны. Троица подошла к квартире, и Зеленский принялся усердно тыкать ключом в замочную скважину.

– Давай помогу, – отнял у него связку Хабаров.

– Эх, ребята... – мечтательно произнес Иван, – как же хорошо, что вы приехали! Сейчас закусочку соорудим. У меня и коньячок хороший имеется.

– Ну, по коньячку тебя только Серега поддержит, – толкнул дверь командир группы. – А я за рулем. Заходи...

Друзья вошли в квартиру и прямоиком направились в кухню. Хозяин и впрямь намеревался продолжить банкет, но Хабаров с Сомом уговорили его на крепкий кофе.

– Ладно, варите кофе. Зерна на полке, кофемолка и турка – на подоконнике... – согласился тот и побежал в туалет.

К его возвращению в турке закипал ароматный напиток.

– Садись! – Александр поставил на столик чашки.

Зеленский плюхнулся на табурет и, подозрительно поглядев на товарищей, сказал:

– Что-то я не пойму. Месяц не виделись, а выпить не хотите. Вы по какому-то делу?

– По делу, Ваня, по делу. Ты выпей кофейку и протрезвей немного. Тогда и поговорим...

Доктор замолчал и, обжигая губы, послушно стал цедить отрезвляющий напиток.

– Полегчало? – справился Сом, когда тот поставил на стол пустую чашку.

– Да, немного.

– Тогда послушай, что скажет Сашка.

– Ну... я весь внимание, – перевел взгляд на Хабарова Иван.

– Ваня, я сегодня утром был у Сафонова, – сообщил Александр. – Он сам меня вызвал и предложил в кратчайшие сроки собрать группу.

– Группу? Зачем?

– Во-первых, он добился нашего восстановления на военной службе. Всех шестерых. Во-вторых, в финансовой части всех нас дожидается приличная сумма, как выразился адмирал, компенсация за моральный ущерб от безвременного увольнения из рядов. Наконец, в-третьих, перед нами открывается перспектива снова быть вместе и...

– А сумма большая? – оборвал приземленным вопросом высокие мысли командира доктор.

– Три твоих прежних месячных зарплаты.

Кажется, Зеленский не был настроен возвращаться на военную службу, но «жаба» пыталась его переубедить.

– Да, хорошие деньги, – поскреб он ухоженными ногтями начавшее лысеть темечко. – А когда надо дать ответ?

– Сегодня. Сейчас.

– Чего так скоро-то? А подумать?

– Некогда, Ваня, думать. Нам еще остальных предстоит отыскать, – пояснил Сом.

– А вылет через неделю, – добавил Хабаров. – Так что времени у нас мало – только на поиски разлетевшихся по стране товарищей.

Ванька помолчал, уперев взгляд в белоснежный угол холодильника. Затем, скрипнув зубами, сказал:

– Знаете, ребята... А ведь отношение к нам – рабочим лошадкам – все равно не изменится. Просто понадобилось сейчас господам начальникам решить какую-то сложную задачу, вот и вспомнили про нас. А решим – опять забудут. Вплоть до увольнения и всех сопутствующих «прелестей». Мы ведь это уже проходили. Почему же у вас такая короткая память?

В чем-то Зеленский был прав. Чиновники, включая тех, что при погонах, – народец в основной массе поганый и думающий прежде всего о себе. Да, встречаются редкие исключения, радеющие за дело, за справедливость и Родину. Такие, к примеру, как Сафонов. Но это, скорее, редкость, достойная занесения в известную книгу.

Но именно на личности Сафонова в разговоре с Зеленским Хабаров и решил сыграть.

– Разве адмирал нас когда-нибудь обманывал? – спросил он. – И касательно нашего оперативного увольнения... Неужели ты забыл, как он боролся за нас и разосрался с кучей начальников?

– Помню. К Сафонову претензий нет, – кивнул Иван.

– Ну так и забудь про остальную сволочь. Держи в уме адмирала – честного и нормального человека. Мы работали и будем работать для него и простых русских людей.

Вышло довольно убедительно. Даже Сом, занятый приготовлением второй порции кофе, одобрительно глянул на командира.

Разговор продолжался еще минут двадцать.

Наконец, почти полностью протрезвев, Зеленский потрянул головой, вздохнул и выдал:

– Ладно, уговорили. С клинкой я завтра в первой половине дня утрясу вопрос увольнения. Что я должен делать дальше?

– Дальше, Ваня, тебе нужно доехать до Управления, получить документы, командировочные и вышеозначенную компенсацию. Потом мы с тобой свяжемся и распределим обязанности по поиску остальных.

– Годится.

– Только не пей больше, – мягко добавил Серега. – Все – твой вынужденный отпуск закончился...

Весь оставшийся день Хабаров посвятил тому, что добывал информацию, способную пролить свет на исчезновение бывших сослуживцев. По странному стечению обстоятельств на телефонные звонки ни один из них упорно не отвечал.

Тем не менее Федю Драного удалось вычислить довольно просто. В Подмоскowie прожигали его родственники, данные о которых имелись в личном деле. Связавшись с ними, Александр узнал, что тот свалил в родную Пензу, где устроился работать на кондитерскую фабрику «Слайс».

«Ну в принципе все логично: подрывник – на кондитерской фабрике, – решил про себя капитан второго ранга. – Где ж еще быть опытному подрывнику, имеющему допуск к работе с ядерными изделиями, как ни у конвейера с ванильным зефиром?..»

Помимо всего прочего, родственники снабдили Хабарова и точным адресом, по которому проживал Федор. Оставалось доехать до Пензы, встретиться с кондитером и провести разъяснительно-агитационную беседу.

Узнать о судьбе связиста Вовки Абрашкина в этот вечер так и не вышло. Зато утром все срлось. Соменкову было поручено вести параллельную розыскную деятельность, и он через дальних сослуживцев выяснил, что Володька в данный момент осел в небольшом городке Петровске Саратовской области, где ему по наследству от родителей достался старый деревянный дом на участке в двенадцать соток.

– Так это же недалеко от Пензы! – возрадовался Хабаров, изучив карту тех мест.

После короткого совещания они связались с Зеленским. У того все шло по плану: с клинкой рассчитался и находился в Управлении, где получал документы и деньги.

– Молоток! – резюмировал командир группы. И поставил ему следующую задачу: – Вот что, Ваня. Мы с Серегой едем через Пензу в Саратовскую область, а ты пока займись поиском Баландина.

– Где ж мне его искать? – растерянно спросил доктор.

– Включи мозг, прояви смекалку, запусти сообразительность.

В этот момент Сом легонько толкнул командира в бок и прошептал:

– Может, его с собой взять? Что-то он частенько стал прикладываться к бутылке. Сейчас с таким баблом на кармане его лучше одного не оставлять.

Секунду поразмыслив, Хабаров кивнул и произнес в трубку:

– А с нами проветриться не хочешь?

– С вами? Это другое дело! – повеселел Зеленский. – С удовольствием проежусь по родной стране.

– Тогда жди нас в Управлении. Через час будем...

Глава третья

Сирия, восточный пригород Алеппо. Несколько дней назад

Калибар, проснувшись и зайдя в комнату пленницы, пришел в дикую ярость от того, что произошло. Захваченной женщины в комнате не было, зато на полу с окровавленной головой лежал его заместитель. Слава Аллаху – Хути оказался жив. Плеснув в лицо водой и похлопав по щекам, Муса привел его в чувство.

– Кажется, за этой бабой приходил кто-то из ее родственников, – ощупывая рану на затылке, сказал тот. – Скорее всего, муж.

– А что с Басемом?

– Не знаю. Я проснулся от шума, вышел сюда и... напоролся на вооруженного мужчину.

Схватив оружие, полевой командир от рвавшейся наружу злости выпустил очередь в потолок и выскочил во двор.

Автомобиль находился на месте. Водителя он нашел лежащим на передних сиденьях, его лицо также было в крови.

Басему пришлось оказывать помощь – ударом приклада ему вывихнули челюсть и здорово рассекли левую щеку. Перетащив водителя в дом, они с Насиром обработали его раны. Тот мычал, ругался и грозился отрезать проклятому сирийцу голову.

– Отрежем, – скрипел зубами Калибар. – Сейчас ты останешься здесь – дожидаться подкрепления. А мы с Насиром – к штабу, организуем облаву...

До самого утра три небольшие группы, сформированные и отправленные на поиски семьи Салхи, рыскали по кварталам восточного Алеппо. Только одна из групп повстречала на пустынных улочках странного мужчину. Во время допроса он попытался бежать, но был убит двумя выстрелами в спину.

Его труп приволокли в распоряжение полевого командира.

– Не он, – поморщился тот.

И приказал удвоить посты на выездах...

Около десяти утра Абдель Резам – командир одного из дозоров – доложил по рации:

– Наблюдаем группу гражданских лиц. Группа скрытно перемещается на восток – в район позиций войск Асада.

– Сколько человек в группе? – моментально отреагировал полевой командир.

– Шестеро. Трое взрослых и трое детей.

– Молодая баба среди них есть?

– Да, Муса.

– Следи за ними, я буду у тебя через пять минут!

Прихватив несколько человек из личной охраны, Калибар рванул в распоряжение дозора...

Путь до обустроенной скрытной позиции занял немногим более обозначенного срока.

– Где они? – с ходу поинтересовался он.

– Мы дали несколько очередей поверх их голов и заставили засесть за углом последнего здания, – подал бинокль Абдель. – Они не понимают, откуда стреляют в их сторону, и боятся идти дальше.

Схватив оптику, Муса подобрался к брустверу из мешков с песком и принялся рассматривать группу людей, сбившихся с плотную кучку под стеной полуразрушенного дома.

Дистанция была небольшой – метров двести, и он сразу узнал красивую женщину, державшую на руках маленькую девочку полутора-двух лет. Рядом, ухватив ее за длинную темную

юбку, стоял мальчик лет восьми. Второй мальчуган, постарше, находился между тридцатилетним мужчиной с крепкой фигурой и сидевшим на корточках стариком.

– Погляди, не он ли? – подал Муса бинокль заместителю.

Тот прилип к оптике, подкрутил регулятор и зло процедил:

– Он, паскуда... Муса, разреши мне порешить их из пулемета.

– Нет, мы прикончим их не так, – оскалился тот в злорадной усмешке. И, не оборачиваясь, спросил: – Абдель, твоя пусковая установка готова к бою?

– Да, командир.

– Снаряды с нашей начинкой есть?

– Да, три штуки.

– Ну-ка, заряди все три.

– Понял. Сейчас сделаем. Рауф, Картал!

Вокруг самодельной пусковой установки, представляющей собой несколько сваренных в ряд на полуприцепе стальных швеллеров, закипела работа. Наводчик Рауф Саур корректировал направление установки, Картал Унал подносил и устанавливал на направляющих реактивные снаряды.

– Готово! – доложил Абдель.

– Навели точно на угол здания?

– Да, Муса.

– Огонь! – приказал полевой командир и закрыл ладонями уши.

Бойцы расчета отвернулись и пригнули головы.

С направляющих один за другим сорвались и, оставляя за собой шлейфы дыма, ушли в сторону цели три снаряда, начиненные хлором...

Примитивная установка для стрельбы реактивными снарядами была собрана кустарным способом в такой же примитивной мастерской. Подобные мастерские имелись в распоряжении практически каждого полевого командира. Ведь изредка приходилось ремонтировать оружие и автомобильную технику.

За основу установки брался полуприцеп или задний мост от любого автомобиля – лишь бы были целы рессоры, ось и колеса. На прицепе из подручного металлолома сооружалась поперечная станина, на нее наваривалось несколько обработанных грубым напильником швеллеров, лежащих в одной плоскости. И все – установка готова.

Сварганить такую штуку было довольно просто. Куда более хлопотным и сложным делом являлось изготовление реактивных снарядов, предназначенных для стрельбы из этих «самострелов». Именно таким производством и владел весьма деятельный и влиятельный человек по имени Вахид Абдалар – давний знакомый Мусы Калибара.

Секретный цех Абдалара располагался в крупном поселке Салар, что раскинулся в тридцати километрах к востоку от Эр-Ракки. В свое время в Салар из Ракки эвакуировали небольшой завод по ремонту автомобилей, позже он попал под бомбовый удар российской авиации и перестал поставлять транспорт для нужд «Исламского государства». Абдалар своевременно подсуетился: договорившись с нужными людьми, выкупил уцелевшие станки, собрал их в одном месте и организовал выпуск простеньких реактивных снарядов.

В основном его снаряды были начинены обычными поражающими элементами: гвоздями, частями подшипников, кусками рубленой проволоки. Но не так давно руководство ИГИЛ предложило изготавливать снаряды с химическим отравляющим веществом, и на территорию завода завезли несколько бочек с настоящим хлором.

Штат завода был полностью укомплектован, дружная команда исправно поставляла на фронт боеприпасы, а владелец регулярно клал в свой карман неплохие деньги.

Начальником производства служил турок Булут Кескин. Мастером – поляк Карол Мазур. Охраной командовал бывший помощник Калибара – потерявший в бою левую руку Бадр Думани. Помимо названных лиц в штате имелись рабочие различных специальностей, охранники, водители.

Абдалар с радостью согласился расширить производство за счет изготовления снарядов с отравляющими веществами – кто откажется от лишних денег? Однако нужных специалистов для работы с опасными химическими компонентами в его распоряжении не было. Пришлось Вахиду поднимать все свои связи и искать таковых...

Грамотного человека с инженерным образованием он случайно нашел в Эр-Ракке, и это стало большой удачей – без него рано или поздно произошла бы беда. Около полугода цех исправно работал и поставлял снаряды с опасной отравляющей начинкой. Ну а Муса был едва ли не основным покупателем, так как Вахид по старой дружбе делал ему неплохую скидку на каждые десять снарядов.

Точность стрельбы из кустарной установки оставляла желать лучшего, поэтому по цели, как правило, выпускали несколько снарядов – от двух до шести. В данном случае по сирийской семье дали залп из трех штук.

Первый упал с недолетом. Второй, ударившись о стену дома, не разорвался. Зато третий лег наилучшим образом, накрыв облаком огня и дыма всех шестерых.

– Бог велик! – разноголосым хором закричали члены пускового расчета.

От осколков разорвавшегося снаряда сразу погиб отец Саида Фадри – полуслепой шестидесятилетний Баха. Кто-то из сыновей тоже вскрикнул от касательного ранения, двухлетняя дочурка Амина забилась в испуганном плаче. Находясь в ядовитом хлорном облаке, все начали кашлять и закрывать одеждой лица...

Постепенно желто-зеленое облако рассеивалось, становясь больше и прозрачнее, а заодно открывая взорам наблюдавших из укрытия боевиков страшную картину. Обняв и прижимая к себе дочь, под стеной полуразрушенного дома умирала Салха. Рядом стоял на четвереньках Саид Фадри, он сильно кашлял и плевался. Старик был уже мертв. Лицо одного из мальчишек было залито кровью, он потерял сознание, и жить ему оставалось считанные секунды.

А вот восьмилетний Рафик, находившийся во время взрыва дальше всех, не получил тяжелой формы отравления. Он нашел в себе силы отползти в сторону – куда не добралось ядовитое облако, при этом тоже кашлял, но был в сознании. Размазывая по чумазому лицу слезы, он отполз еще дальше, оглянулся и позвал сначала маму, потом отца.

Никто не ответил.

Понимая, что все родственники погибли и нужно спастись, мальчуган поднялся и, опираясь о стену, пошел прочь...

Подняв бинокль, Муса наблюдал за результатами обстрела.

Когда желто-зеленый дым начал рассеиваться, его тонкие губы растянулись в довольной улыбке. Но внезапно он заметил мальчишку, неуверенной походкой уходящего в глубь жилого квартала.

Бросив бинокль, Калибар оттолкнул сидевшего у пулемета бойца, передернул затвор и прицелился...

Прогрохотала короткая очередь. Пяток пуль легли чуть выше головы мальчишки. При этом ребенок никак не отреагировал на вбивавшиеся в стену пули, то ли ничего не слышал, то ли ему было все равно.

Следующая порция пуль вспахала то, что оставалось от асфальта. Взметнулось несколько пыльных фонтанчиков, но мальчишке снова повезло – свинец его не достал.

Муса лег поудобнее, поплотнее прижал к плечу приклад пулемета, тщательно прицелился... И дал длинную очередь, от которой на другой стороне квартала поднялось целое облако пыли.

– Теперь точно готов, – предположил кто-то из подчиненных Калибара.

И действительно, когда слабый ветерок отнес пыль в сторону, боевики заметили лежащее под стеной тело ребенка. Мальчишка был мертв.

Глава четвертая

Российская Федерация, Москва – Пенза – Петровск. Несколько дней назад

– Там такая красота, что дышать забываешь. Холмы, густые леса, грибы, реки, рыбалка... – вздохнул рассказывавший о Пензенской области Сом.

В отличие от попутчиков он неоднократно там бывал у родственников и знал, что говорит.

– А девушки там красивые? – равнодушно пялился в окно доктор.

– И девушки хорошие...

Друзья стартовали из Москвы несколько часов назад. Проехали Воскресенск, Рязань. Далее до самой Пензы крупных населенных пунктов не было – только села и крохотные городишки. Погода радовала, да и вообще настроение было отличным, ведь впереди, если повезет, их ждала встреча с друзьями.

Первую половину пути рулил Хабаров. Соменков сидел справа и время от времени пытался дозвониться до Драного и Абрашкина. Но пока все попытки выйти на связь успеха не имели.

Еще через час завернули на заправку, заодно перекусили в чистеньком кафе. Выбирая блюда, Зеленский с тоской поглядывал на забитый пивом холодильник. Но друзья уговорили его воздержаться.

– Ваня, ты же собрался лететь в Сирию, – посмеивался Александр. – Если не соскочишь с алкоголя сейчас, то там будет сложнее.

– Где ты его там прикупишь? – вставлял свои «пять копеек» Серега.

– Ладно-ладно, – вздыхал в ответ врач. – Я на автомате хотел прикупить. А на самом деле вовсе и не страдаю от его отсутствия...

После перекуса вообще стало хорошо. За руль сел Соменков, дав Хабарову возможность отдохнуть. До Пензы было уже недалеко, и все последние километры трезвый Зеленский развлекал товарищей рассказами из своей медицинской практики.

Начался разговор с простой ремарки Соменкова о замечательном пожилом враче, у которого ему пришлось недавно проходить комиссию перед устройством на новую работу. Декать, не только осмотрел-послушал-измерил, но и расспросил, внимательно выслушал, дал несколько хороших советов, благодаря которым прошла боль в спине.

– Old school, – вздохнул в ответ Иван.

– Чего? – переспросил Серега, ни слова не понимавший по-английски.

– Старая школа, говорю.

– В каком смысле?

– Да в самом прямом. Таких сейчас единицы остались. Вот, помню, проходил интернатуру в хорошей московской клинике. Серьезных дел, разумеется, не доверяли – ну, диагностика там, подай-принеси, на аптечный склад сбегай... Как-то везу на каталке лежащую пациентку в операционную. Пациентка в годах – бабулька опрятная, лет семидесяти. Вдруг захотелось ей перед операцией в туалет. Пришлось тормознуть в коридоре и сообразить судно. А она лежит и при мне стесняется. «Отойди, говорит, сынок, подальше. А то у меня ничего не получится...»

– Ну а ты? – подкручивая на повороте руль, спросил Сом.

– Отошел, завернул за ближайший угол. Стою, жду ее команды... Вдруг шаги по коридору с той стороны, где стоит каталка. Выглядываю. Вижу, идет профессор – заведующий отделением. Авторитетный врач, уважаемый человек. Одной рукой жестикулирует, объясняя что-то подчиненным докторам, а в другой держит то самое судно.

– Не понял, – буркнул Серега. – Как оно у него оказалось?

– Да очень просто. Бабулька облегчилась и, не задумываясь, вручила суденышко первому подвернувшемуся человеку в белом халате. Я, конечно, попытался у профессора забрать посудину, а он, представляете, не прекращая общения с коллегами, зашел в туалет, вылил содержимое в унитаз, вымыл руки и отправился дальше. Вот это, Сережа, и есть представитель старой школы. Таких, к сожалению, больше не выпускают...

Федька объявился сам.

Устав названивать на неотвечавший номер, Хабаров забросил мобильник в бардачок машины и забыл о нем. Мысленно он уже обдумывал не только поездку к дому Федора, но и экскурсию на кондитерскую фабрику.

Однако Дранный внезапно напомнил о себе приглушенной трелью.

– Кому это я понадобился? – буркнул Сашка. И вдруг просиял: – О, его сиятельство подрывник очнулся!

– Здорово, командир! – поприветствовал тот бодрым голосом.

– Привет, бродяга! Ты почему не отвечаешь – не хочешь разговаривать со старыми и проверенными товарищами? Или сладостей на своей фабрике обожрался?

– Хочу, конечно, – засмеялся Дранный. – Да и на фабрике я уже не работаю – с вахты возвращался.

– Что еще за вахта?

– Долго рассказывать. Платят нормально, кормят бесплатно, объект в трехстах километрах от Пензы.

– Выходит, ты только что вернулся?

– Так точно, командир. Времени свободного навалом – до следующей вахты десять дней. Эх, встретиться бы, бахнуть спиртяги, да о подвигах наших вспомнить, а? Не хотите в гости подъехать? У нас тут грибы пошли...

– Наслышаны о грибах, – глянул Хабаров на часы. – И не вопрос насчет «подъехать». Ты же на Циолковского живешь, у мамы?

– Да. Дом пятнадцать – старенький такой, трехэтажный. А что?

– Так... просто интересуюсь. Ну, выходи встречать – мы уже въехали в твою Пензу. По проспекту Победы катим.

– Правда, что ли? – растерянно пробормотал капитан-лейтенант. – Или разыгрываешь?

– Правда-правда.

– А «мы», это кто?

– Я, Сом и Ванька.

– Вот это да... Ребята, я так рад! Честное слово, я так рад! Уже бегу!..

После крепких объятий Федор пригласил друзей в квартиру.

– Пошли, парни, – уговаривал он. – Я вас чайком с дороги напою. А вы расскажете, что и как...

Поднялись на второй этаж старого дома, вошли в квартиру, давно не видевшую ремонта. О том, что на дворе двадцать первый век, здесь напоминали лишь пластиковые окна да большой плазменный телевизор.

Расположившись на кухне, сослуживцы выпили по чашке чая, перекусили вкусными домашними пирожками. Мамы Федора дома не было – все лето она обычно проводила на даче под Пензой, а домой наезжала лишь по крайней необходимости, для пополнения съестных припасов.

Пока Дранный рассказывал о том, как неплохо устроился на «гражданке», Сом с Зеленским бросали на командира встревоженные взгляды, в которых явственно читался вопрос: «Уж больно он выглядит довольным жизнью. Получится ли убедить? Согласится ли?..»

– Так что же, Федь, нравится такая жизнь? – спросил наконец Хабаров.

– Какая?

– Ну... вахта. Тяжелый физический труд. Мотания туда-сюда...

Все молча уставились на Драного, ожидая его ответа.

Помолчав, тот вздохнул и признался:

– С одной стороны, неплохо. Зарплата, конечно, поменьше, чем в нашей структуре, но и риска никакого. Отпахал положенные десять дней и столько же отдыхаешь. Хочешь – на рыбалку, хочешь – на юга к морю. Никто тебя не дергает, не беспокоит. Ни тревог, ни маршбросков, ни свиста пуль, ни начальства с большими звездами. Но с другой...

– Что же с другой? – нарушил затянувшуюся паузу Александр.

– Контингент на этих вахтах просто убивает. Половина каждый вечер – в хлам. Другая половина не лучше. Адекватных и способных связать три слова – единицы. Я уже стал замечать за собой, что нормальный русский язык забываю. Один мат на языке.

Это был шанс. И Хабаров осторожно произнес:

– Между прочим, я тут намерен встретиться с Сафоновым.

– Да? – удивленно вскинул брови Федор. – И что он? Не собирается возрождать нашу структуру? Я бы с радостью вернулся в строй, но...

– Что «но»?

– Хотелось бы гарантий, что снова не выкинут на улицу.

Настоящих мастеров подрывного дела в войсках не так уж много. Обычных – прошедших стандартную подготовку и умеющих работать с заводскими минно-взрывными устройствами (МВУ) – пруд пруди.

Федор Дранный был мастером. При установке отдельных мин и минных полей он использовал самые сложные приемы, а иногда и совокупность таких приемов. Причем тип взрывателя мог быть любым: радиоуправляемым, контактным, магнитным...

Однажды Федька реально спас группу. Тогда после затяжного рейда пришлось спешно «сливаться» с одного чужого плацдарма.

Плацдарм – приличный полуостров на скалах, с узким стометровым проходом. «Вертушку» для эвакуации пообещали только через сутки. Боеприпасов мало – в прямом столкновении – пять минут и «крышка». Зато у Драного полный ранец всяких хитрых приبلуд.

– Прикройте, – попросил он и на три часа ушел в темноту к проходу.

Вернулся уставший, грязный как черт. И завалился спать.

– Федя, доложи, что сделал? – затормошил его Хабаров.

– Отдыхайте, парни, ни одна сука по проходу не проскочит, – сквозь сон пробормотал тот. Дозор все же не сняли. Подстраховались.

Ближе к утру проснулись от прогремевшего взрыва и подползли к каменной опушке. А в начале прохода покалеченный супостат в судорогах корчится – один из Федькиных сюрпризов сработал.

Дистанция приличная, офицеры группы не стреляли, а только наблюдали со скал, как следующий отряд собирается штурмовать проход.

И опять взрыв. Уже ближе. Еще один обезножил.

Через некоторое время на подмогу к противной стороне прибыли саперы – Хабаров понял это по снаряжению и инструментам. Позвал Драного.

Тот спокойно осмотрел в бинокль их хозяйство и бросил:

– Забейте...

Забить – не забили, но переживать перестали и принялись наблюдать дальше...

В общем, были тогда в распоряжении подрывника группы Хабарова три «Ведьмы» – «ОЗМ-72» и десяток простеньких противопехотных фугасок нажимного действия.

Замаскировал он ночью на проходе фугаски в творческом беспорядке, а под тремя выкопал ямки поглубже и спрятал выпрыгивающие «подарки».

Расчет при постановке мин-ловушек был прост и гениален. Саперы поползли по грунту, шуруя впереди себя шупами. Один особо одаренный нашел фугаску, обрадовался. Другой тут же подцепил ее «кошкой», сорвал. А за ней из-под земли выскочила «озээмка» и обдала обоих осколками, да и любопытных не обделила вниманием. Два оставшихся сапера за полчаса продвинулись метров на сорок, пока не напали на вторую ловушку.

Случившееся стало для штурмующей стороны шоком, и больше они к скалам не полезли.

В назначенное время прибыла «вертушка», сняла группу со скалы и на крейсерской скорости унесла к родным берегам.

– ...Раньше я считал, что тупыми соискательницами мужей в Интернете могут быть только молодые малообразованные девочки. Сейчас знаю: в Сети их миллионы, и возраст значения не имеет. Как говорится, от семнадцати до семидесяти. Даже моя тетка по отцу – шестидесятилетняя бабища – превратилась в эталонную соискательницу. И до ее уровня молодым девкам прыгать и прыгать...

За рулем автомобиля снова сидел Хабаров, справа о него – Сом. Зеленский с Драным вольготно восседали на широком заднем сиденье. Федора переполняла радость от встречи с друзьями, и он не умолкал от самого дома.

Все началось с невинного вопроса Ивана.

– Чего ж ты не женился, Федя? Ты ведь раньше ссылался на нехватку времени, а после увольнения спокойно проживал в Пензе. В чем причина?

Странно было слышать подобные вопросы от доктора – закоренелого и убежденного холостяка. Тем не менее Дранный пустился в подробные объяснения. И вот уже с полчаса друзья улыбались, слушая подробности сетевых исследований Федора.

– ...Моя тетка – просто классический пример соискательницы. На каждом фото леопардовые лосины на уродливых ногах, золотистые угги, одна и та же норковая шубка на квадратном торсе, темные очки величиной с блюдце...

– Это же психиатрия, – робко поставил диагноз доктор.

– Вот и я об этом! Ты еще статусов на ее страничке не читал.

– А что с ними?

– О-о!.. – засмеялся подрывник и начал цитировать: – «Не люблю, когда меня с кем-то сравнивают. Не устраиваю? Отдыхай». «Улыбки дарю всем. Взгляд – немногим. Сердце – одному». «Я никому не стану доказывать, что я хорошая. Пусть мне попробуют доказать, что я плохая». «Я бы порвала всех шавок, но львицы дерьмо не трогают». Ну и тому подобное. Кстати, сама «львица» торгует на Октябрьском рынке китайскими тряпками, выдавая их за итальянские. В маленьких городках, типа Пензы, эта мантра все еще действует...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.